

Н.Ф. Зюзев

ПИТИРИМ СОРОКИН И МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современной социальной науке ощущается дефицит методологических подходов к объяснению общественных процессов. В частности вся концептуальная база, с помощью которой интерпретируется феномен глобализации, сводится к тем или иным рецидивам «революционного» сознания. Между тем незаслуженно мало внимания уделяется социально-философской системе крупнейшего американско-российского ученого Питирима Сорокина, который разработал оригинальную теорию социальной динамики. Он объяснял современность как переходный период от сенсатной суперсистемы к идеационной, причем особенность данной эпохи как раз в том, что это явление распространяется на все континенты и страны. Т. е. главной особенностью глобализации становится не ее экономическая составляющая, как склонны считать большинство исследователей, а ценностная. В этом смысле особое значение приобретает морально-этический фактор в решении международных проблем. В «войне с терроризмом», где бы она ни велась, в Ираке или Чечне, нельзя победить, пока не решена морально-нравственная дилемма. Линия фронта на географической карте должна совпадать с линией «фронта» между добром и злом.

1. Бум исследований в какой-либо сфере не обязательно влечет за собой механический переход от количества трудов к их теоретическому разнообразию и качеству. Так случилось, что признают и сами ученые, и в области глобалистики. «Мироустройство претерпело кардинальную перестройку, коснувшуюся жизнедеятельности огромного большинства людей. Однако миропонимание наших современников в большинстве случаев не идет дальше ветхой идеологии XVIII столетия — революции (технологическая, информационная, постиндустриальная, глобальная, монетарная, микропроцессорная, наноиндустриальная, революция в военном деле и пр.). Введение в мировую повестку дня таких тем, как глобализация (Давос, 1996) и глобальная война с терроризмом (Вашингтон, 2001) — это в конечном счете тоже знаки революционного сознания, которое по своей природе стремится к полному и

окончательному переустройству мира по своему образу и подобию» (Максименко 1992: 46). Впрочем, автоматическое обращение к волшебному слову «революция» лишь один из теоретических «соблазнов», которыми искушаются современные авторы. Есть и другие ходовые концепции, красивые, но малополезные. Между тем для разрешения теоретических тупиков нередко полезным бывает оглянуться на подзабытые идеи классиков.

Одним из наиболее ярких качеств Питирима Сорокина как ученого была его способность находить новые поля исследования для социальной науки, подмечать общественные тенденции, которые только еще зарождались, и давать долгосрочные прогнозы на будущее. Это относится, например, к его теории конвергенции. Еще во время Второй мировой войны он издает книгу «Россия и Соединенные Штаты», в которой делает вывод о том, что две державы постепенной сближаются во всем комплексе экономического, политического, культурного устройства, и оценки их с точки зрения «капитализма» и «коммунизма» становятся неуместными. Это уже новый тип государства и общественно-экономического устройства.

Теория конвергенции Сорокина стала одной из первых среди популярных в 1950–60-х гг. концепций, предрекавших будущее слияние капиталистического и коммунистического миров в единое общество. Особенность подхода Сорокина к этой проблеме в его концентрации не на экономических (Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, Д. Белл, Ж. Фурастье) или политических (З. Бжезинский, Э. Геллнер) аспектах объединения, а на его ценностных основаниях. Поэтому и сам способ слияния, и тип общества, который должен в результате образоваться, существенно отличается от образцов, представленных другими учеными, например, теоретиками постиндустриального общества.

Как минимум два пункта в типичной схеме возникновения и функционирования постиндустриального общества органически чужды мировоззрению Сорокина. Первое — это «технологический детерминизм». Последовательность смены эпох от доиндустриального общества через индустриальное к постиндустриальному определяется ростом и совершенствованием технологических возможностей человечества. На первый взгляд, это близко Сорокину, который видит в смене социокультурных систем необходимость, продиктованную познавательными процессами. Но познание у Сорокина вовсе не ограничивается научно-технологической сферой. В искусстве или морали оно имеет те же права на истину и то же влияние на судьбы народов и всего мира. Поэтому теория Д. Белла для него является типичной «дихотомической» теорией с доминированием научно-технического фактора, а стало быть, неприемлемой в самой своей сути.

Второе — скрытый эволюционизм, содержащийся в теории постиндустриального общества. История, ход которой определяется неуклонным совершенствованием ее производительных ресурсов, техники и науки, приобретает характер прогрессивного развития. А научно-технический прогресс Сорокин хотя и не отрицает, но не признает за ним ведущей роли в развитии культуры и общества.

Поэтому совсем по-другому выглядят и общество будущего, каким его видит Сорокин, и проблемы, которые оказываются для него существенными.

Как известно, Д. Белл основной конфликт постиндустриального общества видел в противостоянии между научной элитой, обладающей высоким уровнем знания, и остальной массой, т. е. это конфликт интеллектуально-информационного типа. Для Сорокина главные коллизии будущего лежат в моральной сфере. В тоталитарных тенденциях государственной власти в СССР и США он видел не только естественное в условиях нарастающей опасности усиление центральных управляющих органов, но и обратную сторону этого явления: потенциальную возможность злоупотреблений со стороны власти, которая может почувствовать за собой право на чрезвычайные полномочия в чрезвычайный момент. Сорокин не просто предупреждал, но и предлагал конкретные меры для системного контроля за правителями (Sorokin, Lunden 1959).

Но мораль в сорокинской интерпретации современной эпохи является поистине «глобальной» проблемой, а не внутренним делом двух сверхдержав. Он был одним из первых мыслителей, который различил в современном мире те процессы, которые позднее были обозначены термином «глобализация». И это было естественно, ведь он всегда смотрел на границы между государствами как на некую условность, которая не способна удержать в непреодолимых рамках такие социокультурные системы, как язык, этнос, искусство, наука, религия, мораль и т. д. Поэтому, когда с резким возрастанием информационных связей, коммуникаций, качественным совершенствованием средств сообщения национальные границы начали обнаруживать все большую прозрачность, Сорокин не мог не заметить этого. Из прозрачности границ и образования единого пространства социокультурного взаимодействия стран и континентов он делает вывод о том, что переход к новой социокультурной системе уже не есть узкое дело отдельных развитых стран или Запада в целом, а процесс, охватывающий всю планету без исключения. Таким образом, глобализация, как ее понимал Сорокин, — это прежде всего распространение тенденций, связанных с переходным этапом, в глобальном масштабе на все страны и все человечество.

А суть происходящего, по мнению ученого, в том, что каждый раз, когда происходит подобный кризис, он «производит основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре» (Сорокин 1992: 435). Такая эпоха всегда характеризуется подлинными драмами и глубокими конфликтами. Не исключение и современность: «Нам предоставлен редкий шанс жить, наблюдать, мыслить и действовать в котле такого мирового пожара» (Сорокин 1992: 235).

2. Повторение одних и тех же суперсистем вытекает из принципа ограниченных возможностей основных интегрированных форм культуры. Если число интегрированных форм практически бесконечно, то интегрированных — весьма невелико. Например, представлений (в форме интегрированной системы знания) о природе подлинной реальности может быть, согласно Сорокину, лишь пять. Систем истины — шесть. Искусства — три. И так далее. А поскольку «каждая из систем истины, подлинной реальности, форм искусства, этики, форм социальных, экономических, политических и других отношений является не чем иным, как подсистемой нашей суперсистемы, и

поскольку как таковые они живут и изменяются вместе, их совокупное скоординированное повторение и составляет повторение идеациональной, идеалистической и чувственной фаз в процессе исторического развития нашей суперсистемы» (Сорокин 2000: 785).

В основе каждой из суперсистем лежит в качестве большей посылки ее система истины и реальности. Все составные части суперсистемы являются выражениями этой системы истины и реальности и следствиями из нее. Теоретически каждая из этих систем может быть либо абсолютно истинной, либо абсолютно ложной, либо частично истинной и частично ложной. Логика при этом простая. Если одна из систем абсолютно истинна, тогда две остальные абсолютно ложны. В таком случае истинная система будет существовать вечно, т. к. «трудно предположить, что абсолютно ложная и неадекватная система реальности и истины могла бы вытеснить абсолютно истинную систему или что полное невежество могло бы победить подлинное знание, которое дает адекватное представление о действительности, благодаря чему носители этого знания могут жить реальной жизнью, успешно адаптироваться к познанной им окружающей среде и, благодаря всему этому, в большей степени пользоваться плодами социальной жизни и культуры, нежели люди, чье общество и культура основаны исключительно на заблуждении и незнании» (Сорокин 2000: 786). Но действительность опровергает такое предположение: ни одна из культур не существует без замены ее другой даже в пределах известного нам исторического времени. Точно так же исключается, чтобы каждая из систем была абсолютно ложной — это быстро привело бы к гибели и культуры, и самого общества. Поэтому остается последний из вариантов: что каждая из основных систем истины и реальности отчасти истинна и отчасти ложна. Соответственно, таковы и основанные на них формы культуры. Только так можно, полагает Сорокин, объяснить суперритмы в системах культур. В каждой культуре есть «жизнеспособная» часть, которая обеспечивает ее выживание, ресурсы для приспособления к окружающей среде. Но наряду с ней есть и другая часть — ошибочная, которая уводит от истины и верных решений, дает псевдознание вместо знания. По мере развития системы растут ее обе части — как здоровая, так и ложная. Со временем доминирующая система вытесняет из культуры все другие системы истины и реальности вместе с их способствующими адаптации составными частями. Рано или поздно, исчерпав собственные ресурсы, эта система теряет способность быть удовлетворительным инструментом адаптации, ложная часть системы начинает перевешивать и вынуждает — во избежание гибели — к отказу от исходной системы и переходу на новый мировоззренческий «фундамент».

Именно эти механизмы действуют в греко-римской и западной культурах, которые, в отличие от многих других, находили в себе внутренние силы и ресурсы для перехода от одной формы культуры к другой. Те, кто на это оказался не способен, были обречены либо на угасание, либо на долгое «полумертвое прозябание» без творческих достижений и исторических свершений.

Современный этап Сорокин оценивает как переходный от сенсатной (чувственной) культуры к идеациональной. Человечество, исчерпав ресурсы ма-

териалистического подхода к миру, переходит к противоположной стадии — основанной на признании сверхчувственных начал реальности. Идеалистическая (интегральная) культура при этом является промежуточной между ними.

Но при этом образование интегрального миропорядка соответствует — в современных терминах — процессу глобализации. Предпосылкой объединения служит единство в системах истины. Флуктуация суперсистем происходила до сих пор лишь в рамках западного мира. Он теперь переживает очередную «волну». Но эта волна «захлестывает» собой и другие цивилизации.

3. Сорокин выделяет три главных тенденции в динамике развития современного человечества. Это, во-первых, «перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого Океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового — интегрального — социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности» (Сорокин 1997: 101).

Если второй и третий признаки относятся к явлениям ценностного порядка, то первый непосредственно указывает на экономические характеристики глобализации — именно они находятся в центре внимания большинства специалистов. По мнению ученых, в современную эпоху зарождается новая модель бытия, «в которой *геоэкономика* и *геофинансы* играют ключевую и центральную роль» (Кочетов 2002: 94). «Перемещение творческого лидерства», о котором говорит Сорокин, указывает на включение в мировую экономику новых обширных регионов Азии, Африки и Америки. Сорокин имел в виду начало длительного процесса, в результате которого развивающиеся страны смогут на равных с традиционными лидерами участвовать в формировании мирового рынка и даже выходить на первые роли. Таким образом, Сорокин выдвигает гипотезу о том, что пульсация социокультурных процессов, ранее ограниченная Европой и Северной Америкой, теперь распространяется на остальной мир и становится поистине глобальной. То, что большинству теоретиков видится лишь механическим следствием развития крупного бизнеса, достигшего стадии транснациональных компаний, он трактует как глубокий процесс, в основе которого — явления гносеологического порядка. Человечество во всей своей целостности вовлекается в культурное строительство, до сих пор активно проводимое лишь западным миром. Новая смена социокультурных суперсистем становится общепланетарным делом.

Но она же сопровождается масштабным разрушением сенсатной суперсистемы. Кризис, связанный с разрушением старого и возникновением нового порядка, носит небывалый по масштабам характер. Сорокин утверждает, что новое интегральное устройство человечества возможно лишь в том случае, «если западным народам суждено продолжить свою творческую жизнь» (Сорокин 1997: 101). Эпохальная борьба между умирающим чувственным и нарождающимся интегральным порядками имеет первосте-

пенную важность. «Эта гигантская борьба, — пишет Сорокин, — продолжается сейчас во всех аспектах социальной жизни и во всех сферах западной культуры — в науке, философии, религии, этике, праве, изящных искусствах, политике и экономике. Она продолжается в наших душах, наших умах, наших телах и в нашем открытом поведении» (Сорокин 1997: 101).

Причина драматизма событий в том, что система человеческих ценностей является главным средством сохранения порядка и мира. Если основой социального мира внутри какого-либо общества является наличие в нем целостной, твердо вошедшей в жизнь системы ценностей и соответствующих норм поведения, то это же условие необходимо для поддержания мира и между различными социальными образованиями, в том числе и государствами: «Главной причиной, или основой, международного мира является наличие в каждом из действующих обществ целостной, хорошо объединенной и усвоенной системы высших или главных ценностей и соответствующих норм, причем эти системы должны быть совместимы друг с другом» (Сорокин 1944: 238). Нарушение этой единой системы ценностей ведет к образованию в обществе социальных групп с различными, часто антагонистическими интересами, а это, в свою очередь, приводит к трагическим противостояниям.

Конфликты, сопровождающие процессы глобализации, сейчас в центре внимания теоретиков, особенно после событий 11 сентября 2001 г. Но причины, которыми пытаются объяснить то и дело вспыхивающие противостояния, а иногда и прямые столкновения, в общем-то, добавляют мало нового к обиходным объяснениям экономического характера (в комбинации с политическими мотивами) или к теории «столкновения цивилизаций». Видеть корни международного терроризма только в экономическом, историческом и мировоззренческом противостоянии «Запад-Восток» или «христианство-ислам» значит валить в один котел антагонизмы и проблемы, явно выходящие за пределы этих слишком узких — в приложении к явлению терроризма — определений.

В этом смысле, кстати, даже приходится отчасти сожалеть, что с «уходом» биполярного мира «сошел с арены» и такой объяснительный принцип, как «коммунизм-капитализм». Да, эта проблема фактически снята с разрушением коммунистических режимов и утверждением Соединенных Штатов как единственной мировой сверхдержавы. Но ведь за клише «коммунизм-капитализм» скрывалось и иное содержание — «добро-зло». Не зря же Рональд Рейган назвал Советский Союз «империей зла», а советская пропаганда, в свою очередь, находила западный мир морально разложившимся и капитализм — «загнивающим». Другой вопрос, соответствовало ли то и другое обвинение истинному положению дел. Но здесь важно иное — что само население враждующих «лагерей» чувствовало за собой именно моральную правоту, и это для людей было не менее важно, нежели вопросы экономического и политического соперничества.

У чувства собственной моральной правоты могут быть самые разные корни. В том числе сугубо этноцентрического характера, когда принадлежности к тому или иному племени, роду, национальности, вероисповеданию и т. д. уже достаточно, чтобы видеть «погрязшими во зле» всех, кто не принадлежит к этим общностям. Поэтому есть доля правды и у сторонников теории «столк-

новения цивилизаций». Но ни это обоснование, ни соображения материального интереса не исчерпывают всего комплекса причин, по которым человек может ощущать себя сторонником «правого дела». Есть еще и «чистая мораль», врожденное или благоприобретенное чувство справедливости и несправедливости, правды и лжи, любви и ненависти и т. д. И выкидывать ее напрочь из факторов общественной жизни, в том числе и на уровне крупнейших конфликтов эпохи, значит погрешить против истины. Ведь не одна только экономическая конкуренция, но и глубокая внутренняя ложь подмыла устои, к примеру, советской системы и лишила ее массовой поддержки. Между тем как раз эта сторона социальных явлений часто остается вне внимания современной социальной науки (зато ее усиленно эксплуатируют политики, различные идеологические институты и ведомственная пресса).

Во многом такая картина складывается из-за того, что социальная наука все еще неохотно применяет исследовательские методы, для создания и введения которых в научную практику немало сделал Сорокин. К его бесспорным заслугам в сфере социальных наук причисляют то, что он сумел найти эффективный способ использования математических и статистических методов в изучении специфических социальных феноменов, присущих человеку и обществу: ценностных, морально-этических, мировоззренческих категорий. «Наиболее поразительная особенность работы Сорокина — это создание массивных накоплений социальной и культурной статистики, предназначенной служить в качестве базовых эмпирических указателей для основополагающих изменений в масштабе и характере социальных и культурных флуктуаций. Конечно, более, чем любой другой ученый, имеющий дело с проблемами социологии познания, Сорокин действительно оказал внимание максиме французского историка Жоржа Лефевра “это нужно рассчитать”» (Merton, Barber 1963: 350).

Путь, предложенный Сорокиным, сложен. Свою собственную методику вычислений он отличал от методов, доминировавших в современной ему социологии и сводившихся к механическому использованию математики и статистики — по прямому аналогу с их применением в физике и других естественных науках, т. е. без учета специфики социального мира. Эти попытки были, по мнению Сорокина, неизбежно обречены на неудачу. Целые направления и школы возникали и рушились одна за другой, как, например, «физикалистская» школа, про которую Сорокин писал, что, «подобно предшествовавшему “социальной физике”, “социальной механике” и “социальной энергетике”, она потерпела неудачу в ее похвальной попытке построить “естественнонаучную социологию”. Ее “операциональный” метод является пародией на “операциональный метод” физических наук» (Sorokin 1956a: 406). Сорокин настаивал на специфическом подходе к вычислениям в социальных науках, утверждая, что «только через непосредственную эмпатию, сопереживание и интуицию психологических состояний можно осознать сущностную природу и различия <...> религиозной, научной, эстетической, этической, правовой, экономической, технологической и других культурных ценностных систем и их подсистем. Без прямого живого опыта этих культурных ценностей они останутся *terra incognita* для внешнего наблюдателя и ста-

тистического аналитика <...> Эти методы бесполезны в понимании природы и различия между, скажем, философскими системами Платона и Канта, между этикой Нагорной проповеди и этикой ненависти, между геометриями Евклида и Лобачевского, между различными системами идей вообще. Только после успешного осуществления таинственного внутреннего акта “понимания” каждой системы идей и ценностей можно классифицировать их в соответствующие классы, помещая в один класс все идентичные идеи и помещая в разные классы разные идеи или ценности. Только после этого можно их подсчитывать — если они доступны для счета — и совершать другие операции математического или статистического рода, если их возможно проделать. Иначе все наблюдения и статистические операции обречены быть бессмысленными, бесплодными и лживыми симулякрами реального знания» (Sorokin 1956b: 160–161). Сорокин ставит трудную и рискованную задачу — во всяком случае, Р. Мертон, который участвовал в подготовке статистических данных для «Социальной и культурной динамики», сам сомневался, что его труд по анализу 13 тысяч открытий и изобретений соответствовал «требуемому критерию» (Merton, Barber 1963: 356).

Однако другого пути, если мы хотим получить полную картину ценностных мотивов, руководящих обществом, все равно нет. А идеи «Социальной и культурной динамики» и есть плод подобного труда.

За войнами и конфликтами эпохи Сорокин видит их истоки — противоположные тенденции, вносящие раскол в ценностные основания человечества в целом. В них обнаруживается, с одной стороны, разрушение чувственного миропорядка, а с другой — появление элементов нового интегрального строя. Будучи обусловленными когнитивными факторами, эти две тенденции вместе с тем сопровождаются конфликтом морального порядка. Наблюдается острейший кризис этических идеалов человечества. Сорокин фиксирует следующие негативные явления: 1) релятивизация и атомизация всех этических ценностей; 2) их деградация до уровня простых «рационализаций», которые маскируют эгоистические интересы индивидов и коллективов; 3) потеря ими ценности и престижа; 4) уступка грубой силе как единственному контролирующему фактору в человеческих отношениях; 5) проистекающее из этого обилие войн, революций и т. п.; 6) в результате человечество оказалось на грани апокалиптического саморазрушения. Но всем этим фактам противодействуют примеры обратного порядка: осознание людьми моральных норм как вечных и универсальных, яркие примеры человеческого героизма и самопожертвования и т. д.

Причем «линия фронта» в моральном плане вовсе не совпадает с «линией фронта» между «ретроградами» и «прогрессистами». Как не было совпадения, собственно, и в противостоянии капиталистического и коммунистического миров. Как нет этого соответствия и в современной «войне с терроризмом» — в любой ее версии, будь это чеченский конфликт, события в Афганистане или Ираке. Ведь ресурсы пропаганды не бесконечны. Чтобы успешно бороться с бандитами, нужна прочная поддержка населения. А для этого правительства и силовые структуры стран, подвергающихся атакам террористов, обязательно должны «очищаться» сами. Это неприятный

и трудный процесс, который включает в себя — если взять сугубо этический аспект — признание и устранение собственной неправоты, с одной стороны, и признание чужой правоты — с другой.

Иначе говоря, задача политических и моральных лидеров мира состоит как раз в том, чтобы устранить несовпадение «линий фронта» — чтобы добро и зло действительно разошлись по ее разные стороны (хотя бы в общем, потому что в абсолюте это, конечно, невозможно). Наверное, особенно ясно это становится, если учесть, что в «войне с терроризмом» никакой линии фронта (в буквальном смысле этого слова) и нет. Очевидно, что все попытки «прочертить» ее на конкретном ландшафте — например, как это было в Ираке — не соответствовали поставленной задаче: географические параметры линии фронта имели мало общего с реальной «передовой» в борьбе с террористами.

Нравственная правота тех, кто фактически стоит на стороне прогрессивных тенденций, должна обретаться, по убеждению Сорокина, только через создание новой интегральной этики. Без единой морали все остальные усилия пойдут прахом. «Великий кризис нашего века не является с необходимостью равносильным роковому последнему акту человеческой истории. Несмотря на его апокалиптический характер, его дальнейшее развитие может быть остановлено и в конечном итоге заменено новой конструктивной эрой. Если человечество мобилизует всю свою мудрость, знание, красоту и в особенности всеодаряющую и всепрощающую любовь или благоговение перед жизнью и если энергичное и стойкое усилие этого рода будет совершено каждым — усилие, извлекающее силу из любви и благоговения перед жизнью — тогда этот кризис будет наверняка преодолен и настанет самая чудесная, новая эра человеческой истории. Самому человечеству суждено решать, что оно будет делать со своим будущим» (Sorokin 1963: 319). Выполнение этой достаточно абстрактной задачи Сорокин увязывал с решением вполне конкретных задач, например, наложением ограничений на властные органы. Например, в написанной вместе с У. Ланденом книге «Власть и мораль» он прогнозирует, какими должны быть руководители новой эры, какие качества потребуются от них для эффективного государственного управления. Традиционные политики, по мнению авторов, уходят в прошлое, т. к. «техническая сложность сегодняшнего мира требует больших интеллектуальных навыков, чем это им обычно присуще. В конце концов, политиков заменят ученые» (Джонстон 1999: 22). Но они в свою очередь нуждаются в эффективном теоретическом инструментарии. Рассуждая о возможностях социальной науки направлять процессы политической и культурной жизни, Сорокин сравнивал в этом смысле потенциальные ресурсы специализированных отраслей социологии, чья цель и есть в рекомендациях для непосредственного применения, и обобщающих социологических теорий, чьи силы в этом отношении вроде бы ограничены, но его вывод был как раз противоположным: общие теории, по его мнению, «имеют важнейшую практическую пользу и величайшее практическое влияние <...> Их роль в руководстве и практическом влиянии на историческую судьбу человеческого рода должна возрастать» (Sorokin 1962: 43).

Вот таких-то теорий сейчас явно недостает в решении актуальнейших проблем международной жизни. В этой ситуации «идейной засухи» новое обращение к теориям и прогнозам Питирима Сорокина, в том числе и касающимся глобальных процессов в мировой экономике и политике, могло бы оказаться весьма плодотворным. Кстати, что касается теории революции, которая популярна в современной глобалистике, то эту идеологему Сорокин развенчал еще в 1920-е годы. Его книга «Социология революции» не только разрушает привлекательность революции для всякого, кто готов отдаться ее «соблазну», но и убедительно показывает ее слабость как теории, претендующей на научное объяснение масштабных социальных явлений.

Литература

Джонстон Б.В. Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени // Социс. 1999. № 6.

Кочетов Э. Г. Глобалистика. М.: НОРМА, 2002.

Максименко В.И. Соблазн и иллюзия глобального управления // Pro et Contra. 1992. Т. 7. № 4.

Сорокин П.А. Причины войны и условия мира // Новый журнал. 1944. № 7.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000.

Merton R.K., Barber B. Sorokin's Formulations in the Sociology of Science // Pitirim A. Sorokin in Review. Durham, N.C.: Duke University Press, 1963.

Sorokin P.A. Fifty Years of Change in Sociology // Sociology and Social Research. 1956a. Vol. 40. № 6.

Sorokin P.A. Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences. Chicago: Henry Regnery, 1956b.

Sorokin P.A., Lunden W. A. Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians? Boston: Sargent Press, 1959.

Sorokin P.A. Practical Influence of Impractical Sociological Theories // Sociology and Social Research. 1962. Vol. 47. № 2.

Sorokin P.A. Modern Historical and Social Philosophies. N.Y.: Dover Publications, 1963.